

**Міністерство освіти і науки України
Житомирський державний університет імені Івана Франка
Кафедра теорії та історії світової літератури**

**Серія «Бібліотека кафедри теорії та історії світової
літератури НН ІФЖ ЖДУ ім. І. Франка»**

**ЖИТОМИР
«ПОЛІССЯ»
2014**

*Моим родителям –
Антонине Георгиевне и
Федору Борисовичу
Бондаренко*

Галина Бондаренко

**ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧІ ПРОСПЕКЦІЇ:
КОМПАРАТИВІСТСЬКА ГЕНОЛОГІЯ**

ЖИТОМИР
«ПОЛІССЯ»
2014

УДК 82.09 – 1/-9
ББК 83:83.3
Б 81

*Надруковано за ухвалою Вченої ради
Житомирського державного університету ім. І. Франка
(протокол № 10 від 27 травня 2011 року)*

Рецензенти:

Петро Васильович Білоус,
доктор філологічних наук, професор.
Володимир Олегович Єршов,
доктор філологічних наук, професор.
Луїза Костянтинівна Оляндер,
доктор філологічних наук, професор.

Г. Ф. Бондаренко. Літературознавчі перспекції: компаративістська генологія. – Житомир : Вид-во «Полісся», 2014. – 240 с. Серія «Бібліотека кафедри теорії та історії світової літератури НН ІФЖ ЖДУ ім. І. Франка».

ISBN 978-966-655-726-4

Автор збірки досліджує основні тенденції та закономірності розвитку світової літератури в їх історичному русі від XVIII ст. до сучасності. Це завдання реалізується через висвітлення проблематики художніх творів, спостереження над виникненням, розвитком та взаємодією провідних жанрів, пануючих літературних стилів, системи художніх принципів та засобів організації та функціонування тексту в синхронії та діахронії. Дослідник аналізує твори Вольтера, А. Адамовича, Л. Андреева, В. Астаф'єва, М. Булгакова, Г. Веллса, В. Катаєва, Т. Манна, Дж. Д. Селінджера, С. Смірнова, Г. Філдінга, К. Чапека з позицій компаративістської генології, перспективних шляхів поступу методології сучасного літературознавства.

Книга призначена спеціалістам-літературознавцям, вчителям-словесникам, аспірантам, студентам-філологам, всім, хто цікавиться проблемами сучасного літературознавства.

ISBN 978-966-655-726-4

© Г. Бондаренко

З М І С Т

Інтелектуалізм у літературі

Притча як видова категорія	9
Філософська повість-притча: досвід Вольтера	14
Своєрідність жанрової природи повісті Вольтера «Кандід, або Оптимізм»	20
Притчева матриця в оповіданнях Леоніда Андрєєва про революцію	29
Структура художнього світу в новелі Томаса Манна «Смерть у Венеції»	35
Слов'янські типи в новелістиці Томаса Манна	44
Особенности жанрової природи повісти Віктора Астафєва «Печальный детектив»	50

Надбання романного жанру

Прояви авторської свідомості у вступних есе роману Генрі Філдінга «Історія Тома Джонса, знайди»	65
«Великий сміливець сучасності». «Війна світів» Герберта Джорджа Веллса як роман-пересторога	76
«Вболіваючи за людину і людство». Жанрова природа роману Карела Чапека «Війна з саламандрами»	85
«Над прірвою у житті» Дж. Д. Селінджера як лірико-психологічна повість	90
«Брестская крепость» С. С. Смирнова: к проблеме документализма	99
Про деякі особливості поетики «мовістських» творів Валентина Катаєва	108
Реінтерпретація документу: «Книги народної пам'яті» Алєся Адамовича	115

Нова драма: «друга хвиля»

Драматургічні експерименти Леоніда Андрєєва	127
Між епікою та драмою: досвід М. О. Булгакова (на матеріалі роману «Життя пана де Мольєра» та п'єси «Кабала святош»)	136
Ремарка у художньому світі Михайла Булгакова	144
Концептуальність хронотопа в романі Михайла Булгакова «Белая гвардия» и пьесе «Дни Турбиных»	154

Поетичні перспекції

Анна Ахматова – російська Сапфо	173
Людина і світ в поезіях К. І. Галчинського	187
Концептуальна поезія: витоки і розвиток	196

Есеїстика

«Друг вечный...» (Ф. М. Достоевский)	207
Сестра моя – жизнь (Б. Л. Пастернак)	210
«Рукописи не горят...» (М. А. Булгаков)	218
Новый Аввакум (А. И. Солженицин)	226
«Мне повезло во всех отношениях...» (И. А. Бродский)	233

ЕСЕЇСТИКА

Частина п'ята

*Я памятник воздвиг себе иной!
К постыдному столетию – спиной.
К любви своей потерянной – лицом.
И грудь – велосипедным колесом...*

Иосиф Бродский

**«МНЕ ПОВЕЗЛО ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ...»
(И. А. БРОДСКИЙ)**

Твой Новый год по темно-синей
Волне средь моря городского
Плывет в тоске необъяснимой,
Как будто жизнь начнется снова.
Как будто будут свет и слава.
Удачный день и вдоволь хлеба.
Как будто жизнь качнется вправо,
Качнувшись влево.

«Рождественский романс»

Вот уже 17 лет, как с нами нет Иосифа Бродского, поэта огромного таланта, удивительной эрудиции, особого иронического восприятия мира. Не могу избавиться от мысли, что его знаменитый «Рождественский романс», написанный двадцатилетним юношей, оказался пророческим: его жизнь несколько раз начиналась сначала, качалась и влево, и вправо. И сейчас, я верю, его мятежный и скептический дух плывет над землей – «плывет в тоске необъяснимой певец печальный...».

Иосиф Александрович Бродский родился 24 мая 1940 года в Ленинграде. До пятнадцати лет учился в школе, но даже сменившую ее вечернюю школу рабочей молодежи так и не закончил. Потом пошел работать, сменив множество профессий. Писать стихи начал в шестнадцать, и в 60-е годы стал негласным лидером ленинградской поэтической школы, в которую входили также Евгений Рейн и Анатолий Найман. Уже то, что их кумиром стала полуопадная А. Ахматова, говорит, что их поэтические опыты были очень далеки от магистральной линии официальной советской поэзии.

Анна Андреевна Ахматова, с которой молодые люди познакомились в Комарово, на ее дачке «на курьих ножках», особенно выделяла среди этих, безусловно талантливых молодых поэтов Иосифа. Она настаивала на том, чтобы он занимался поэзией профессионально, однако именно это дало повод властям обвинить И. А. Бродского в тунеядстве, устроить в 1963 году показательный

судебный процесс и приговорить к пяти годам ссылки с обязательным привлечением к труду по Указу «Об ответственности за тунеядство». Реакция Анны Андреевны на известие о приговоре была по-ахматовски оригинальной: «Это прекрасно, Толик, – сказала она Найману. – Какую блистательную судьбу они готовят нашему Рыжему». «Они» – это власти, «Рыжий» – Бродский. Сам обвиняемый позднее вспоминал, что суда практически не помнил – его сотрясали другие бури – безответная, хотя и закончившая рождением сына, любовь к гордячке и красавице Марине Басмановой, его мучительной и прекрасной Музе...

В ссылке в Мордовии Иосиф работал на лесоповале, но его поэтический дар, к счастью, не иссяк. К ленинградским шедеврам, таким как «Рождественский романс», «Стансы», «Сонет», «Холмы», добавились «Шум ливня», «Песня», «Зимняя почта», «Одной поэтессе». Уже тогда И. А. Бродский ставил в тупик своих почитателей: с одной стороны он был принципиально традиционен, а с другой его неслучайно и доньше считают одним из зачинателей концептуальной поэзии – поэзии сложной, экспериментальной, ироничной, порывающей с гражданской и моральной проблематикой, свойственной русской литературе. И. А. Бродский полемически заявлял, что единственная цель поэзии – язык («скрипи, скрипи, перо, / переводы бумагу»). Вслед за Горацием, Г. Р. Державиным и А. С. Пушкиным он пишет свой «Памятник»:

Я памятник воздвиг себе иной!
К постыдному столетию – спиной.
К любви своей потерянной – лицом.
И грудь – велосипедным колесом...

В 1965 году поэт был досрочно освобожден благодаря заступничеству А. А. Ахматовой, С. Я. Маршака, Д. Д. Шостаковича и других видных деятелей искусства, под давлением широкой кампании возмущения как в стране, так и за рубежом. Однако он по-прежнему оставался в советской литературе *persona non grata*. До отъезда за рубеж в 1972 году было опубликовано только четыре стихотворения в сборнике «День поэзии» и несколько переводов. Прощанием с «мачехой-Родиной» стали такие строки:

Холуй трясется. Раб хохочет.
Палач свою секиру точит.

Тиран кромсаєт каплуна.
Сверкаєт зимняя луна.
Се вид Отчєства, гравюра.
На лежаке – Солдат и Дура.
Старуха чєшет мертвый бок.
Се вид Отчєства, лубок.
Собака лает, ветер носит.
Борис у Глеба в морду просит.
Кружатся пары на балу.
В прихожей – куча на полу.
Луна сверкаєт, зрєньє муча.
Под ней, как мозг отдельный, туча...
Пускай Художник, паразит,
Другой пейзаж изобразит!

И. А. Бродский уезжает в Соединенные Штаты Америки, где получает и поэтическое признание, и приглашение преподавать в американских университетах, хотя к преподавательской деятельности он всегда относился без особого восторга. Иосиф Александрович признавался, что, если бы обстоятельства позволили заниматься только литературой, то он бросил бы преподавание, как это сделал В. В. Набоков после всемирного успеха своей «Лолиты». Однако И. А. Бродский прекрасно понимал, что «на протяжении истории поэтическая аудитория никогда не превышала одного процента по отношению ко всему населению». И поэтому в течение последующих двадцати четырех лет он вынужден был работать: вначале в большом Мичиганском, потом в Колумбийском и Нью-Йоркском университетах. В 1980 году принял постоянную профессорскую должность в так называемых «пяти колледжах».

Феномен И. А. Бродского для меня не только в неповторимости поэтического голоса, но и в его удивительной, какой-то очень несоветской эрудиции. (Сто раз прав был классик, сказав, «мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь»). Студенты мои! Это камешек в ваш огород!). А И. А. Бродский среднюю школу вытерпел только до седьмого класса, не учился ни в российском, ни в украинском, ни в американском университетах, но своим студентам в первый же день занятий предложил такой список литературы для двухлетнего изучения: «Бхагаватгита», «Махабхарата», «Гильгамеш», Ветхий Завет... И еще сто книг. Тридцать из них – греческая и латинская классика (трагики, поэты,

философы). Далее (простите, но в данном случае цитирование принципиально!) – Августин Блаженный, Св. Франциск, Св. Фома Аквинский, Лютер, Кальвин, Данте, Петрарка, Бокаччо, Рабле, Шекспир, Сервантес, Челлини, Декарт, Спиноза, Гоббс, Паскаль, Локк, Юм, Лейбниц, Шопенгауэр, Кьеркегор (но не Кант и не Гегель), де Токвиль, де Кюстин, Ортега-и-Гассет, Генри Адамс, Орвелл, Ханна Арендт. Никакого пристрастия к соотечественникам, в списке только «Бесы» Ф. М. Достоевского, проза О. Э. Мандельштама и мемуары его вдовы. Из прозы двадцатого века – «Человек без свойств», «Молодой Торлесс», «Пять женщин» Р. Музиля, «Невидимые города» И. Кальвино, рассказы В. С. Притчетта, «Марш Радецкого» Й. Рота. Отдельный список из 44 поэтов двадцатого века. Он открывается именами М. Цветаевой, А. Ахматовой, О. Мандельштама, Б. Пастернака, В. Хлебникова, Н. Заболоцкого.

Я прекрасно понимаю, что между списком и его освоением лежит пропасть, но испытываю жгучую зависть к студентам Иосифа Александровича, потому что, кроме эрудиции, здесь чувствуется еще и личное, я бы сказала, интимное, проникновение вглубь мировой культурной традиции.

Вначале И. А. Бродский был шокирован невежеством своих студентов и поверхностностью их знаний и достаточно агрессивно высказал своим подопечным все, что о них думает, вроде такого: «Народ, который не знает своей истории, заслуживает быть завоеванным» или «Не будете работать над собой – превратитесь в воров». Про одну особенно неудачную группу он рассказывал: «Я захожу в класс и говорю: „Опять вы?“ – они смеются, думают, что это я так шучу». Действительно, интеллектуальный багаж среднего американского студента оставлял желать лучшего, и поэт стремился открыть перед ними свою собственную вселенную. Чтобы подбодрить своих воспитанников, он говорил: «Вы ничего не знаете, и я ничего не знаю, просто мое „ничего“ больше вашего».

«Вселенная Бродского» началась для меня не только с любимого «Рождественского романа», но и с появившихся уже в перестроечные времена в журнале «Новый мир» «Писем римскому другу (из Марциала)». При всем моем пиитете перед античными авторами уверена, что «Письма» – литературная мистификация. Однако, смею думать, что здесь И. А. Бродский проявляет и свою

(ему бы этот термин не понравился) «гражданскую позицию», и идеал «индивидуальности, уникальности, отдельности»:

Посылаю тебе, Постум, эти книги.
Что в столице? Мягко стелют? Спать нежестко?
Как там Цезарь? Чем он занят?
Все интриги?
Все интриги, вероятно, да обжорство...

Особенно «греют» мою душу убежденной провинциалки (лучшие люди живут в провинции!), долгое время прожившей в столицах, такие строки:

Пусть и вправду,
Постум, курица не птица,
Но с куриными мозгамихватишь горя.
Если выпало в империи родиться,
Лучше жить
в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно,
трусить, торопиться...

Может быть, я и сыплю соль на раны затюканному перманентными «бархатными» и «ситцевыми» революциями, разуверившемуся во всех и во всем соотечественнику, однако, согласитесь, любезный читатель, как привлекательна мечта об античной гармонии собственного, «любимого» микромира и живого благоухающего мироздания:

Зелень лавра, доходящая до дрожи.
Дверь распахнутая, пыльное оконце.
Стул покинутый, оставленное ложе.
Ткань, впитавшая полуденное солнце...

Конечно, в этой идиллии – не весь Иосиф Александрович. Его всемирная слава после получения в 1987 году Нобелевской премии разрушила заговор молчания вокруг имени поэта, и критики наперебой, вдоль и поперек бросились исследовать и традиции, и новаторство, и философские начала в его лирике, и эстетическую платформу и т.д. и т.п. Вероятно, у каждого свой И. А. Бродский. Да

простят мне «литературные генералы», что мой – вот такой: домашний, сидящий в кресле-качалке и бесконечно дымящий сигаретами (он не бросил курить даже после очередного инфаркта и приговора врачей – таков характер).

Думаю, что для неискушенного любителя поэзии И. А. Бродский интересен, по словам любимого им Е. А. Баратынского, именно «лица необщим выраженьем». И сам И. А. Бродский в своей Нобелевской лекции говорил, что искусство позволяет человеку «прожить свою собственную, а не навязанную или предписанную извне, даже самым благородным образом выглядящую жизнь», а также (sic!) «превращает его из общественного животного в личность».

Есть у него и своя позиция по проблемам «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» и «Поэт в России больше, чем поэт»: «Я не думаю, – говорил он в одном из своих немногочисленных интервью, – что это правильно для поэтов активно участвовать в общественной жизни. Потому что, если ты защищаешь, так сказать, правое дело, то ты автоматически полагаешь, что хороший человек. Что часто не соответствует действительности, хотя самообольщение сохраняется. Да и в конце концов не так уж активно поэты могли участвовать в России. Разве что в качестве жертв. Во-вторых, в чем поэт может участвовать – это в сообщении людям иного плана восприятия мира, непривычного для их плана. Поэтому, говоря о себе, я думаю, что к изменениям, происходящим сейчас в России, привела в какой-то степени и толика моих усилий. Даже не усилий, а, скажем, это тоже стало ингредиентом нового варева».

На Западе, в основном в США, вышло восемь стихотворных книг И. А. Бродского на русском языке: «Стихотворения и поэмы» (1965), «Остановка в пустыне» (1970), «В Англии» (1977), «Конец прекрасной эпохи» (1977), «Часть речи» (1977), «Римские элегии» (1982), «Новые стансы к Августе» (1983), «Урания» (1987), драма «Мрамор» (1984), книга эссе «Меньше, чем единица» (на английском языке, 1986).

Последние годы он, по его собственному выражению, «поднял мост» – переехал из шумного Нью-Йорка с молодой женой и дочерью, ограничил в контактах и без того уединенную жизнь. Хроническая болезнь сердца привела к внезапной смерти, наступившей 28 января в 1996 году. Похоронен поэт, по его

завещанию, в Венеции, колыбели высокого ренессансного искусства, верным Рыцарем которого он был до последнего вздоха.

В одном из последних интервью И. А. Бродский ответил на вопрос, почему он ни разу после эмиграции не приезжал в Россию: «Страны, в которой я родился, больше не существует. Нельзя вступить в ту же реку дважды. Так же невозможно, как вернуться к первой жене. Я хотел бы побывать там, увидеть некоторые места, могилы родителей, но что-то мешает мне сделать это. Не знаю, что именно. С одной стороны, я не хочу стать предметом ажиотажа; положительные переживания наиболее изматывающие. И потом мне было бы очень трудно явиться туда в качестве туриста. Я не могу быть туристом там, где народ, говорящий на моем языке, бедствует. Хотя, конечно, охота побывать в родном городе, прежде чем я сыграю в ящик». Да, И. А. Бродский никогда не был и не стал заложником конъюнктуры, в отличие от многих уехавших, благополучных, но эксплуатирующих и до сих пор надоевшую маску политических страдальцев! «Мне повезло во всех отношениях!». Как это звучит! Благородно! Высоко и очень по-мужски.

Горько, но, думается, И. А. Бродский нас так и не простил. Это мое личное ощущение, но обидой и отчужденностью пронизаны его многолетняя полемика-дискуссия с «забронзовевшим» Евгением Александровичем Евтушенко, его самые исповедальные стихи. Хотя поэт не раз признавался, что «считает неприличным писать о самом себе, поэзия и без того исповедальна». Однако, наверное, действительно невозможно простить никому и никогда, что ты не проводил в последний скорбный путь мать и отца (так и не добившись разрешения увидеться с сыном, родители Иосифа умерли в 1984 – 1985 годах).

Он ушел в расцвете жизненных и творческих сил, но дух бессмертия, который жил в его стихах, пребывает с нами и донныне:

Только пепел знает,
что значит сгореть дотла.
Но я тоже скажу,
близоруко взглянув вперед:
Не все уносимо ветром,
не все метла,
Широко забирая по двору, подберет...